

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария
Метлицкая

Миленький
ты мой

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии
и иллюстрация на обложке
Петра Петрова

Метлицкая, Мария.
М54 Миленький ты мой / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-04-095543-5

Сначала Лиду бросила мать — оставила на воспитание бабушке в глухой деревне. Так девочка и росла — с твердым убеждением, что никому не нужна. Потом ее бросали мужчины — неожиданно, подло, несправедливо. Так, что всякий раз хотелось кричать: «Мой милый, что тебе я сделала?» Лиде казалось, что ее сердце заморожено навсегда и разморозить его нельзя. Да она и не хотела. Жить без любви даже удобно — ни страданий, ни разочарований.

Одного Лиды не учла — любовь приходит не спрашивая, даже если ты отчаянно ей сопротивляешься.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-095543-5

Миленький ты мой!
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе женой.
Милая моя! Взят бы я тебя.
Но там, в краю далеком,
Есть у меня жена.
Миленький ты мой!
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе сестрой.
Милая моя! Взят бы я тебя.
Но там, в краю далеком,
Есть у меня сестра.
Миленький ты мой!
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе чужой.
Милая моя! Взят бы я тебя!
Но там, в краю далеком,
Чужая ты мне не нужна!

Пролог

Эта была высотка. Всем своим видом она унижала своих соседей, собратьев и окружающих — приземистых, неказистых и нелепых. Эта волшебная башня, замок с островерхой крышей, сказочный терем времен пятидесятых, была населена людьми. Не народом — Людьми. Людьями с большой буквы. В ней, в этой башне, как всем известно, простых людей не было. Не живут простые в сталинских башнях. Простые, привыкшие к вони в темных подъездах и сварливым соседским голосам за стеной, ютятся в убогих хрущобах с фанерными стенами, в панельных клетухах с потолками в два сорок, да в частных домишках, продуваемых, хилых, с вечно текущими крышами. И все они счастливы до смерти — свое и отдельное. И пусть потолки на голове, пусть в туалет только боком, и пусть все обедают по очереди на пятиметровой кухоньке, потому что всем не усесться. Правда, у меня и этого «счастья» нет, но ничего! Еще будет! Еще наверстаю — я же способная!

В подъезде, конечно, консьерж. Или швейцар?..

Нет, все же консьерж. Швейцар с бородой, с галунами и в важной фуражке — почти адмирал. А здесь — бабка. Обычная бабка, которой доверена власть.

Такие, как она, обычно отрываются по полной — букашки, от которых что-то зависит!

Все, что угодно и где угодно! Не беспокойтесь — уж они-то, эти «тетки в тапках», своего не упустят! И еще — не пропустят. Не своего.

— Вы, простите, к кому? — вежливо осведомляется, а в глазах — чистая сталь. Злость одна. Даже ненависть. Хреново, наверное, сидеть тут по суткам. Задница затекает. На столе — стакан с чаем, откусанный бутерброд с колбасой и дешевые карамельки. Обед.

А я вот помешала...

Отвечаю. Глазки туплю, как положено. Ну, раз за «свою» не признала — буду паинькой, скромницей.

Не сошла за свою. Что, впрочем, понятно — глаз у этих служителей порядка — алмаз! На том и стоим.

— К Краснопевцевой? — с недоверием уточняет и впивается в меня еще пристальней. — К Лидии Николаевне? — повторяет она и хмыкает носом, слегка усмехается — типа, не верит. И еще недовольно качнула головой — типа, знаем мы вас!

И правильно, да! Соображает.

— А вы ей, простите... кем будете?

— Я? — переспрашиваю с дурацкой «первомайской» улыбкой. — Я ей родня! Дочка ее. Ну... сестры!

— М-м-м... сестры?

Консьержка обескуражена и растеряна окончательно. Не знает, как быть.

— Ну а вы, — советую я, — позвоните ей, Лидии Николавне! Она подтвердит!

— Ладно, — машет рукой консьержка, — проходите, чего уж! — И громко глотает чай.

Вот и прокололась — неправильно это. Неграмотно. И ведь сидит днями у телика. Что смотрит? Понятно — криминальные новости. Все эти бабки обожают такую фигню. Чтобы и страшненько, и интересненько. И поохать, и покряхтеть, и поделиться потом с подружкой. Повздыхать и поежиться — ох, времена!.. Довели страну, изверги!

А там ведь предупреждают таких вот ослиц — не доверять. Не пропускать. Вызвать охрану. Двери не открывать! Теток-аферисток сейчас даже больше, чем мужиков.

Но я уже в лифте. А лифт этот — ох! Впечатляет. Всем лифтам лифт! И пусть красная ковровая дорожка поистрепалась. Зато зеркало-то висит. И темные панели на стенах — гладкие, отполированные, из благородного дерева. Скамеечка у стены: устали — извольте, присядьте! Едет, правда, тряско. Гудит. Все понятно — старик. Глубокий старик...

Шестой этаж. Выхожу. Квартира напротив лифта. Деревянная дверь. Пооббитая и потрепанная — все, как положено. Рухлядь, конечно. Но все равно впечатляет. Былая роскошь. Тоже из прошлой жизни. Не заменили. Не захотели или?.. Банально не было уже денег?

Я замираю и смотрю на звонок. Над ним — латунная табличка. Имя, отчество, фамилия покойного супруга. Перечисленные регалии: академик, член-корреспондент, профессор, народный художник, Герой Соцтруда... Смех, да и только! Кому это сейчас интересно? И ведь не поленился все перечислить!.. Любил, поди, свои звонкие звания. Умилялся.

Звонок тоже «оттуда» — медный или латунный. Облезлый.

Я выдыхаю и... Нажимаю. Колокольный перезвон — нежный и мелодичный. Совсем не тревожный. Современные звонят так, что вздрагиваешь и падает сердце.

— Кто? — минут через пять раздается осторожный и тихий голос за дверью.

Молодец! Не рвет дверь на себя — сначала интересуется.

— Лидия Николаевна, — по-овечьи BLEЮ я, — это я, Лида! Лида Канавина! Дочь вашей Полины! Из Локшинки! Я вам писала...

Тишина. Думает? Вспоминает? А вот если не откроет? И что тогда, милая Лида, поедешь обратно? В свой Н.? В свой богом забытый уезд-

ный городишко? Вернешься домой, в село Локшинку? И все твои прожекты, милая Лида...

Ах, как все просто! Тебе не откроют, и все. Просто тебе НЕ ОТКРОЮТ.

Но — без паники! Щелкает замок, гремит дверная цепочка.

И вот дверь открыта. Только вопрос — куда?

Да в новую жизнь! Лида, вперед! И не робей! У тебя все получится!

Она стоит на пороге и смотрит — недоверчиво и подозрительно. Что ж, время такое. Ее можно понять. Если бы не фотографии Полины Сергеевны да не памятные часики с позолотой, сунутые ей прямо под нос — стоять бы мне за облезлой дверью. А потом — поторапливаться на вокзал.

Но я девочка умная. Сметливая и хитроватая. Все подготовила, все. И сама подготовилась — будьте любезны! Спасибо за школу жизни — всему научила. И дорогой Полине Сергеевне отдельное спасибо! Объяснила в далеком детстве милая матушка, что я никому не нужна.

Я не нужна... Ну и вы мне до фени! Все, без разбора. Так и проживу свою жизнь без сердечных привязанностей. Потому что знаю, чем эти страсти кончаются. А мне так больше не надо! Совсем. Раз вы со мной так, ну и я соответственно. Без угрызений совести, да. Абсолютно, заметьте, без угрызений!

Туплю глазки и смотрю в пол. Потом поднимаю — светлые, чистые, голубые. Без тени, так сказать...

Милая, скромная провинциалка. Хорошее, доброе, вполне симпатичное лицо. Косметики ноль. Руки рабочие, познавшие «жисть» — и огород, и хозяйство. Но аккуратные. Ногти подстрижены и обработаны. Волосы в косу. Не переборщила? Вроде нет, так сейчас модно. Скромная китайская кофточка, скромная юбка. Пальто.

— Ну-у-у... — неуверенно тянет она, — проходите.

С большим, как говорится, сомнением в правильности своего решения.

Но первый шаг уже сделан, и я прохожу. Я вошла. В святая святых... Меня допустили! Пока «один — ноль», Лида. Ты молодец!

В прихожей (огромной, как танцпол в клубе) я раздеваюсь. Вешаю пальто, ровненько прилаживаю, как у нас говорят, у порога сапожки. По стенам глазами не шарю — воспитанная. Большие глаза не делаю. И не потому, что все это видела, — откуда мне? А потому что скромна. Мама так воспитала.

Лидия Николаевна тяжело вздыхает и делает царственный жест. Рука у нее очень худая, ладонь узкая, в крапках пигментных пятен, но с маникюром. А как же — звезда!

Кухня тоже впечатляет своими размерами. Метров шестнадцать, не меньше. А то и все семнадцать! Почти как мой дом. Но грязь — не-

сусветная! Солнце беспощадно обнажило всю подноготную — и хозяйки, и кухни.

Ладно кухня — пыль, жир и сажа на потолке и стене. Но она! Это в темноте коридора еще как-то... А здесь, на свету...

Мумия, не иначе. Сморщенное лицо, дряблая, обвислая шея. Страшные руки. Ужасно, брррр!

Ведьма. Как в детской сказке — злая колдунья.

Садится, закидывает ногу на ногу, полы шелкового (в пятнах и драных кружевах) халата распахиваются, и обнажаются старые ноги — мертвого серого цвета, в крупных, перетянутых узлах синих вен, с выпирающими косточками — вальгусная стопа. Но с педикюром! Да, мастерство не пропьешь!..

Стою, глазки по-прежнему в пол.

— Садитесь, — наконец предлагает она. Ну я и сажусь.

Молчим. Начинает она.

Спрашивает про Полю — так она ее называла.

У меня по щеке катятся слезы. Вспоминая дорогую Полину Сергеевну, я всегда плачу. От жалости к себе. Ничего не забыто!

Детская травма, знаете ли... это ведь навсегда.

Про «Полю» говорю скупно — вроде мне и сейчас тяжело.

Хотя... Мне и вправду совсем нелегко... Вспоминать...

Но выстрел попал в цель — ей, кажется, меня жалко. Чуть кривятся узкие губы, и дрогнули тонкие, нависшие, «черепашьи» веки.

— Да... Полю жалко!.. Поля была... замечательной! Как же вам повезло!..

Я чуть не вскрикиваю. Но, разумеется, сдерживаю крик души и боли, обиды, невыносимо горького детского одиночества. Думаю, старческое одиночество ничуть не страшнее детского! Наверное, второе даже еще хуже и злей. И страшнее.

Я моргаю, стряхивая набежавшую слезу, и часто киваю:

— Да-да! Мама... была замечательной!

Как же мне трудно произнести это слово! Потом она хмурится:

— Ну... А что... вы... сюда? В смысле — в столицу?

Я простодушна и очень честна:

— Развелась, деток нет, бог не дал... Работы в нашей дырище тоже. Хозяйство одной мне не нужно, ну, вот я и...

Она недовольно крутит головой:

— А вы думаете, что здесь — синекура?

Я вжимаю испуганно голову и развожу руками:

— Нет... Я не знаю...

— А вот я знаю! — жестко бросает она и — хлоп по столу ручонкой. — Медом здесь не намазано! — резко отвечает она. — Ни-ко-му! А вы... все сюда... претесь!.. Ну? И как думаешь жить?

Так, перешла на «ты» — уже хорошо. Может, меня пожалела? В память дорогой и незабвенной Полины?

Я бормочу, что я — учительница младших классов. Надеюсь, что учителя здесь нужны. Очень надеюсь! Ну или в детсад, методистом. В саду с голоду не помрешь. Там — питание! Сниму комнатушку... Ну или угол. Читала, что много бабулек сдают эти углы. И недорого вообще.

Лидия Николаевна усмехается:

— Угол! Ну-ну... Будешь жить с полоумной бабушкой и слушать ее «мемуары».

— Что делать... Ну, значит, буду. Я стариков... в смысле — пожилых людей — уважаю! И очень жалею...

— Не за что их уважать! И жалеть не за что! — отрезает она. — Гнусные сплетники, зануды и жалобщики! Вечно ноют, что мало денег, плохие дети и нету здоровья!

Резкая. Справедливая. Откровенная.

Их... А себя, любимую, она к старикам не относит! Не хочет к НИМ примыкать.

— Ладно, — смиловилась наконец Лидия Николаевна. — Чай или кофе?

Я пожимаю плечами — дескать, не хочу вас утруждать.

— Ну, тогда сама! — усмехается она и поудобнее устраивает на стул свою тощую задницу.

Да ведь это прорыв! Почти маленькая победа. То, что и требовалось, собственно!

Я вскакиваю со стула и бегу в коридор.

— Что случилось? — пугается она.

— Счас, счас! — отвечаю я и втаскиваю на кухню свою огромную, пластиковую, клетчатую

(с чем еще ездят в столицу бедные провинциалы?) сумку.

Так, вынимаю «яички» — слово Полины Сергеевны, — литровую банку сметаны, творожок и масло в пакетах. Еще банка меда и малинового варенья.

Она вздрагивает и пугается:

— Это что?

— Продукты питания, — отвечаю, — гостинцы из Н. Все деревенское, экологически чистое! Свои «яички», сметанка и творожок! Масло вчера вот сбивали!

Смотрит с недоверием и с интересом, усме- хается:

— Экологически чистое, говоришь? Ну-ну... Посмотрим.

А я уже жарю «яички» и выкладываю на тарелочку творожок. Поливаю сметанкой. Льется плохо — густая — ложка стоит! Поверх сметанки — медку. Горочкой. Он медленно оплывает прозрачной, янтарной лужицей — краса- та!

Мумия смотрит с удивлением, будто не виде- ла никогда ни творожка, ни медку, ни сметаны. Пробует осторожно, чуть морщится, сводит бро- ви и... качает головой:

— Боже, как вкусно! Божественно просто!..

Еще бы! Еще бы не вкусно! Творожок, сме- тану и масло взяла вчера утром на рынке. У нас. Все деревенское, чистая правда. Мед у меня был — сосед держит пасеку, а я мед ненавижу.

И «яички» подбросил сосед, по пятьдесят рубчи-ков за десяток — очень по-божески.

Наворачивает, снова мотает башкой и приго-варивает:

— Ах, боже мой! Сто лет не было такого вот удовольствия! Знаете, — путается: то «ты», то «вы», — ой, знаете, Лида, я поутру только кофе и все! Даже без хлеба! За хлебом идти неохота. Ну, раз в неделю принесет социальный работ-ник и все. Буханку. Говорит, все хранят в моро-зилке. Но это ведь бред! Есть размороженный хлеб? Ни вкуса, ни запаха. Гадость! Лучше я так, с сухарем.

Я киваю и удивляюсь:

— Вот ведь чего придумали! Мороженный хлеб! Дикость какая!

— Я вообще, — увлеченно продолжает, — ем крайне мало! Просто почти не ем!

Говорит это с гордостью. Типа — неприхот-ливая.

— Почему? — ахаю я. — Так ведь нельзя! Вред-но ведь очень! Гастриты, колиты...

— Ми-ло-чка! — произносит она по складам и смотрит на меня с укоризной. — У меня столь-ко болячек, что ваши гастриты мне уже не страшны!

Я громко вздыхаю — сочувствую.

— В молодости относишься ко всему безот-ветственно! — объявляет она. — Но вам этого не понять! Вы пока... молодая, — говорит она с ка-ким-то сомнением, разглядывая меня.

— Ну какая же я молодая! — снова вздыхаю. — Уже тридцать пять. Ни детей, ни плетей — один развод за плечами и порушенные мечты. Одиночество: ни мамы, ни... — тут всхлип, — никого...

Она задумывается:

— Маму... я тоже потеряла очень рано... Такая трагедия... А вот дети! — Она оживляется: — Вот об их отсутствии не пожалела ни разу! Веришь ли, ни разу!

Снова на «ты». Хорошо.

— Совсем никогда? — жалобно лепечу я.

— Ни разу! — подтверждает она. — За всю свою долгую жизнь!

Победный взор и — дрожащие руки. Врет? Храбрится? Или и вправду?

— Что с них? — продолжает. — Одно... дерьмо, ты уж прости!..

Я, конечно, прощаю.

— Нет, ты ответь! — заводится мумия. — Ну где ты видела хороших детей? Заботливых, благодарных. Уважающих старость... Лично мне — нет, не пришлось. Вот подружки, — кривит рот в адрес подружек. — Итак, подружки! Ну... не подружки — скорее приятельницы. Подруга у меня всего лишь одна — мне хватает! И все — знаменитости, все! Актриса, балерина, певица. Когда-то очень известная! Примадонна! Фамилий не называю — тебе ни к чему.

Я снова киваю:

— Конечно!

— У всех эти... дети. И что? У актрисы сын пьет. Тянет деньги. И ждет ее смерти — не стесняется: «Когда ты, старая, сдохнешь? Квартиру продам и пропью!» Ну? Как тебе это?

Я качаю головой и вздыхаю:

— Кошмар!..

И правда — кошмар. Что говорить-то?

Она удовлетворенно кивает:

— Вот видишь! Так, дальше. У балерины — две дочери. Старшая — шлюха. Да, именно так! Причем дармовая шлюха! Из любви к искусству, так сказать, не за деньги. Таскает юнцов, не стесняясь, прямо при матери. Та, бедная, все это видит. А главное — слышит! Ты понимаешь, о чем я?

Конечно, я понимаю! Не девочка ведь...

— А младшая... Ну, там совсем беда! Попала в аварию... Ногу отняли... И все — инвалид. Муж бросил, взяли сиделку. А платит она, балерина! Чем? Хороший вопрос... для российской пенсионерки. А продает! Все, что осталось, — посуду, часы, ковры, статуэтки. Говна этого у нее, как ты понимаешь, навалом. Было навалом... А сейчас — одни слезы. Вот кончится и... Что тогда делать? А ничего! Застрелиться! И застрелить свою младшую дочь. А лучше — сразу обеих! А какие были в молодости! Королевы! Все шеи сворачивали, мужики с ума сходили! Деньги, шубы, бриллианты, прислуга!.. И что теперь? Ни-че-го! Нищета и болячки!

— Ну а певица? — полупрошептом спрашиваю я. — Что у нее?

Знаю, все старики обожают рассказы! Про молодость, красоту и прежнюю жизнь. Их надо слушать! И ты победила.

— А что певица? — недоумевает мумия.

Забыла уже. Короткая «свежая» память. Все они так — про прошлое помнят и могут трындеть всю дорогу. А тут — все, провал.

Напоминаю.

— А-а-а! — машет рукой. — У этой сын дурачок! Смолоду был дурачок! Ей намекали, а она... Ну, ты ж понимаешь! Да и было ей не до него — гастролы, романы. Четыре законных мужа, ты поняла? Только законных! А уж про все остальное...

Завидует, что ли? Ну да, наверное. У самой-то был муж числом «раз». И больше замуж не вышла. Зато какой это был муж! А раньше? Может, не брали? Замуж-то вышла не рано.

— Так вот, сын — дурачок! В детстве все марочки, значочки и гербарии собирал. Девки его не интересовали — вообще! Она даже струхнула: вдруг что не так? Ну и подсунула ему тогда... старлетку, свою ученицу. Обещала поддержку, протекцию. И девка — понятное дело — на все согласилась! Ну и на то, чтобы с коллекционером сопливым прилечь. Прилегла. И чем кончилось, а? Ну, подумай! Не ребус!

— Соблазнила и родила? — ахнула я. — А следом — в ЗАГС?